

Пророк

"NEMO PROPHEETA IN PATRIA"

Бреду по вымершей пустыне.
Заката мрак. Песок остыл.
Вокруг летают серафимы.
Их много. Каждый шестикрыл.

Парят. Меня не замечают.
Я говорю: «Вот мой язык,
Вот жду в надежде и печали,
Чтоб кто-нибудь ко мне приник».

Но сверху: «Все свои мороки
Забудь. В отечестве твоём
Теперь глаголят не пророки.
Сейчас спущусь, и отдохнём».

Ретро

черно-белые кадры кино
по телевизору с линзой
сосед в полосатой пижаме
и соседка в халате с павлином

волга-волга, орлова
после фильма - до ночи лото

за стеклом пирамида сервиза
для гостей достают
и пыль вытирают с него

на стене - репродуктор
левитан и частушек реприза

мальчик в круглых очках —
перешитое мамой пальто
и мышинная серость штанов —

догоняет трамвай
нашпигованный плотно телами

в нем зловоние перегара
и на дамах — дешевых духов

ожидание бани
и смены трусов и носков...

аксиома — насилие
норма — предательство
теорема — добро
если нужно кому-то
ее доказательство...

и еще много лет
до пересмотра основ

Каллиграф

старый китаец
в пекинском парке
выводит строчки стихов
на асфальте
макая кисть
в ведро с водою

каждая строчка
выходит живою

но жизнь иероглифов
коротка
быстро под солнцем
сохнет вода

сизифов труд старика
бесконечен

а слово не сохнет

оно вечно

О эти запустевшие сады

О, эти запустевшие сады...

От порчи или просто недогляда,

От недостатка солнца и воды

И сломанной давным-давно ограды.

Здесь места не осталось снегирям.

Господствуют сороки и вороны.

Иным они не оставляют корма.

Всё, что не съели сами, то – снегам,

Которые покроют без разбора

Пожухлую листву, пустые ветки,

Остатки развалившейся беседки,

И память о высоких разговорах...

Здесь, рассказням садовника не веря,

Застынут в спячке жабы и хореи.

Недостих

вот и опять недостих

недоотточенность строк

недозвучанье клавира

недозаконченность линий

недорасцвеченный цвет

полудоступность друга
полутона
полусвет
полузашторенных окон

ждать ли еще «да»
или уже нет
полувопрос о главном
полуответ в ответ

горечь полуутраты
приторность полусочувствий
полузасохшие розы
недоостывший камин

недоумение смерти

Павана

(Осень в Хобарте)

Арфе заупокойной
Вторит покорно конга.

Кружат аккорды попарно
В ритм погребальной паваны.

Медленно и обреченно
Падают листья платанов.
Скудное майское солнце.
Ярмарки утренней краски.

— Хочешь остаться в танце —
В нашей печальной сказке?

— Ой-ой, не надо, не надо, —
Мне пока еще рано...

Что тебе, Боженька, стоит?

Господи, лучше меня знаешь – скоро состарюсь.

Что тебе, Боженька, стоит? – Дай мне ума, наконец,

И удержи от соблазна – дай мне по-прежнему думать,
Но не давай поучать – хватит зануд без меня.

Рот мне заткни, если стану ныть о болезнях другим –
Будет болезней всё больше, слаще беседы о них.

Главное, силы мне дай, чтобы признаться скорее –
Больше ошибок своих в жизни моей, чем твоих.

Ноги ходить перестанут – крылья мне дай – долететь.
Нимба, пожалуй, не надо – жизнь у святых прескучна.

Письмо

я написал тебе письмо

ты ответила

через восемнадцать лет

теперь я знаю

что чувствовал моряк

кидая в море

бутылку с последним посланием

с тонущего корабля

Очередь за счастьем

стоял в очереди

давали счастье

когда впереди

было трое

осталось только

призрачное

всё равно взял

в другой раз

и этого не будет

Критик

патологоанатом

вскрывает грудную клетку

достаёт строфы

слова

слоги

рифмы

разглядывает

на свет

раскладывает

по баночкам

с формалином

а текст кричит:

я живой

живой

живой

В парижском метро

Мне сегодня

уступили место

в парижском метро.

И я подумал:

мир становится

моложе.